

Виталий Тихонов

Советская наука в действии*

Vitaliy Tikhonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Soviet science in action

DOI: 10.31857/S0869568722010253

Новая книга известного историка советской науки Е.А. Долговой является продолжением её работ, в частности документальной монографии, посвящённой Н.И. Карееву¹. В предыдущей книге автор отказалась от всё ещё популярной среди историков концепции «репрессированной науки» и предложила рассматривать взаимодействие между властью и научными кругами через призму сформулированного Р. Мертоном «эффекта Матфея». По её мнению, «не социальный и политический факторы определяли положение учёного “старой школы” в постреволюционном обществе, а, скорее, его дореволюционный статус (авторитет и позиция, занимаемая в поле избранной им тематики, административный ресурс и потенциал в научном поле) диктовал в соответствии с принципом кумулятивного накопления преимуществ особенности отношения к нему власти и специфику преломления в отношении него советской социальной политики»². Такой «лобовой» пересмотр устоявшихся представлений (даже несмотря на определённые оговорки, сделанные автором) вызвал критику со стороны рецензентов, указавших на тот факт, что нередко никакие «накопленные преимущества» не избавляли от преследований³. Заставила ли критика Долгову отказаться от своей концепции? Отнюдь нет. Её новая книга открывается введением, в котором

«эффект Матфея» рассматривается в качестве одной из отправных точек анализа начального периода развития советской науки. Но, как мне кажется, теперь автор отчётливее отмечает вариативность жизненных траекторий и показывает переплетение факторов, определявших эволюцию научного сообщества. Представляется, что в такой формулировке применение «эффекта Матфея» вполне плодотворно и позволяет объяснить ряд важных событий прошлого.

Структурно книга разделена на пять глав, логично вытекающих друг из друга. Первая глава знакомит читателя с применяемыми автором подходами и методами, вторая — позволяет увидеть параметры научного сообщества переходного, постреволюционного периода. Следующая глава фокусируется на действиях власти в научной сфере, причём реализация властных полномочий рассматривается не только как прерогатива государства и партии, но и как следствие функционирования относительно автономного поля науки с его внутренними механизмами господства и подчинения, иерархиями и традициями. Четвёртая глава построена на реконструкции работы Института красной профессуры (ИКП) и анализе карьерных траекторий его преподавателей, слушателей и выпускников. Наконец, последний раздел посвящён публичной роли учёного в советском обществе.

* Долгова Е.А. Рождение советской науки: учёные в 1920–1930-е гг. М.: РГУ, 2020. 469 с.

Исследование построено на концептуальном синтезе ряда подходов в русле социальной истории науки. Его отличает широкий круг использованных источников, в том числе и многочисленных архивных документов. В первую очередь хочу отметить активное применение количественных методов. Как известно, ложь бывает трёх видов: простая ложь, наглая ложь и статистика. Понимая опасность «пленительной объективности цифр», Долгова учла многочисленные ловушки, сопровождающие использование статистики, и эффектно соединила количественные показатели с качественным анализом. Выяснилось, что изменение в результате революционных преобразований правил научной аттестации и снятие ряда гендерных и национальных ограничений привело к качественному изменению академической среды. Подчёркнуто, что преобразования (особенно декрет 1918 г., разрешивший занимать должность профессора без защиты диссертации) отвечали устремлениям низовой части научного сообщества и вписывались в «революцию приват-доцентов». Подсчёты продемонстрировали, что перемены привели к нескольким компенсаторным эффектам — серьёзному увеличению количества женщин, евреев и выходцев из непривилегированных слоёв. Это, в свою очередь, спровоцировало конкуренцию и рост напряжённости между «новыми учёными» и представителями дореволюционной академической корпорации. Статистические методы позволили проследить и дисциплинарную трансформацию науки. Если в конце 1920-х гг. доминировали медицинские кадры, то во второй половине 1930-х — инженерные, что явно объясняется начавшимся индустриальным скачком.

Восстановленная в 1934 г. система аттестации научных кадров подве-

ла рубеж под экспериментом. Важно подчеркнуть, что большевикам не удалось сломать иерархичность научного сообщества — его автономность оказалась сильнее. Власти пришлось признать свойственные науке традиции и статусы, что стало одним из фундаментов «большого контракта»: складывания взаимодействия, суть которого — лояльность учёных в обмен на социальные и экономические преференции.

В этой связи важно, что в отдельной главе специально разбирается «политэкономия» советской науки 1920–1930-х гг. Её альянс с новым режимом начал складываться в атмосфере революционной разрухи. При этом подчёркивается, что власть не обязательно требовала полной политической лояльности. Речь скорее шла о признании советского строя как такового, а квалификация оказывалась важнее политических воззрений. Книгу украшают многочисленные бытовые зарисовки (особенно подробно описана эпопея строительства комплекса зданий для сотрудников и слушателей ИКП). Так, если в начале 1920-х гг. старая профессура боролась за сохранение своих домов и многокомнатных квартир, то «красные профессора» зачастую — просто за предоставление им койко-места. В этом контексте жилищная политика оказалась и важным инструментом научной политики. По наблюдениям Долговой, успех в «борьбе за метры» определялся не социальным происхождением или идеологией, а корпоративным статусом учёного и его местом в иерархии. Кроме того, именно в 1920-е гг. начала формироваться и социальная инфраструктура советской науки (дома отдыха, дома для престарелых, санатории, спецраспределители и т.д.), сделавшая её работников своеобразным «средним классом» советского общества.

Отдельное внимание уделено тому, была ли советская наука коммунистической, т.е. делали ли её члены партии. В конечном счёте это вопрос, насколько удался запущенный после революции проект «коммунистической науки». Ответ оказался отрицательным. Доля партийных даже в 1930-х гг. оставалась невысокой (особенно низкой — среди научной элиты: докторов наук, несколько выше — среди младших научных сотрудников). Даже механизм присуждения степени без защиты диссертации, запущенный в середине 1930-х гг., не работал исключительно на повышение доли членов ВКП(б), поскольку 45% таких случаев пришлось на беспартийных. Автор пришла к выводу, что, несмотря на властный запрос на партийных учёных, говорить о «коммунистической науке» не приходится.

В противовес широкоохватным, обобщающим главам четвёртая посвящена конкретному, но очень важному сюжету — Институту красной профессуры, форпосту построения «новой науки». Как прекрасно показала Долгова, замысел и реальность постоянно расходились, порой значительно. Преподаватели и слушатели ИКП оказались в подвешенном состоянии как в партийной, так и в академической иерархиях, не обладая привилегиями ни одной из них. Кроме того, для власти Институт оказался слишком дорогим удовольствием даже с учётом его идеологической важности. Именно это (вкуче с сомнительной эффективностью деятельности) и стало причиной его закрытия.

Статистический анализ профессорско-преподавательского состава разрушает один из ключевых мифов — о его идеологической монолитности. Он изначально оказался довольно пестрым, а выпускники самого ИКП составляли в нём примерно треть, хотя и занимали руководящие администра-

тивные посты. Даже на май 1937 г. только 45,1% преподавателей состояли в партии. «В этом свете Институт красной профессуры предстаёт не ангажированной идеологической институцией, а всего лишь одним из возможных мест работы интеллигенции, где оказались востребованы не столько её лояльность власти, а прежде всего знания, умения и навыки, нередко полученные ещё до 1917 г.», — резюмирует автор (с. 277).

Не всё гладко обстояло и с «выпускающей эффективностью». Только чуть более трети поступивших смогли окончить ИКП. Одни выбывали из-за неуспеваемости, другие — из-за бытовых проблем, но большинство просто не успевало закончить курс обучения из-за срочных партийных поручений. Анализ распределения выпускников продемонстрировал, что большая их часть направлялась не на преподавательскую или научную работу, как задумывалось, а на партийные и руководящие должности. Таким образом, Институт фактически работал «вхолостую». Возвращение в середине 1930-х гг. системы научных степеней, без которых стало нельзя вести преподавание, по сути, похоронило образовательную модель ИКП. Его выпускникам пришлось заново доказывать состоятельность в конкуренции с остепенёнными учёными «старой школы».

Последняя глава рассматривает публичные роли советского учёного в 1920–1930-х гг.: образ в кинематографе, популяризаторскую деятельность. Всё это демонстрирует расширение его роли как публичной фигуры, важной для сциентистской стороны господствовавшей идеологии.

Представляется, впрочем, что несколько прямолинейно решён вопрос о международном научном языке. Автор убеждена, что отказ советских учёных от такового в пользу «патри-

отического» следует расценивать как однозначно негативное явление. «Национализация» научного языка — целенаправленный процесс, начавшийся ещё в дореволюционной России и утвердившийся на волне патриотизма в Первую мировую войну, когда главный международный язык науки — немецкий — стал рассматриваться как язык врага. Многие расценивали переход на русский как способ утверждения отечественной науки в качестве полноправного субъекта мировой. В советское время международные связи ослабли, но не оборвались. Отказ от использования «международного языка» (или языков) имел место во второй половине 1930-х гг. и обуславливался рядом факторов: конфронтацией с нацистской Германией, ростом самоизоляции, шпиономанией и т.д.

Но здесь важно учитывать мировой контекст. В начале XX в. переход от старых «международных языков науки» к новым (среди которых главенствующую роль начал играть английский) начался во всём мире. Русский язык также занял свою (и внушительную) нишу, особенно после Второй мировой войны, когда наблюдались активные действия советских властей по продвижению его в качестве ведущего в мировой науке (а в перспективе — и единственного языка науки коммунистического будущего). Вы скажу гипотезу, которая требует дальнейших исследований и обсуждения. Возможно, описанную ситуацию следует рассматривать и с точки зрения утверждения новых языков научного общения, а не только как процесс дистанцирования от мировой науки?

Завершая исследование, Долгова сформулировала (пока больше ме-

тафорически, нежели теоретически) «эффект Луки»: в противовес социальному иммунитету и предпочтениям, которые традиционно предоставляет «эффект Матфея», власть и общество сформулировали перед научным сообществом ряд условий, по которым его работа признаётся эффективной. Это — интересное наблюдение, требующее дальнейшей разработки.

Итак, в рецензируемом исследовании настойчиво проводится мысль о сложности взаимоотношений власти и науки в начальный период развития советского проекта. Основной пафос заключается в утверждении взгляда на научное сообщество как на субъект, а не объект истории, и отказе от рассмотрения власти как демиурга во взаимодействии с наукой. Несмотря на всю свою мощь, власти (со всеми оговорками) всё же пришлось играть по правилам научного поля. Пожалуй, никто в отечественной историографии не проводит эту мысль со схожей настойчивостью. Без сомнения, новая книга Е.А. Долговой станет этапной.

Примечания

¹ Учёный в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. Исследования и материалы / Сост. Е.А. Долгова. М., 2015.

² Там же. С. 6.

³ *Комочев Н.А.* Рец. на: Учёный в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. Исследования и материалы // Российская история. 2016. № 2. С. 228–230; *Сидорова Л.А.* Профессия и сообщество: «эффект Матфея» в советской исторической науке 1920–1930-х гг. // Российская история. 2017. № 4. С. 84–102; *Тихонов В.В.* Учёный в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. Исследования и материалы [рец.] // Новая и новейшая история. 2016. № 2. С. 228–230; и др.